

Ван Чжэнь сделал шаг вперед:

— Полагаю, слуга ваш считает, что предложения Левого канцлера вполне приемлемы.

Едва прозвучали эти слова, как Левый заместитель министра финансов Сюй Линхоу и правый заместитель министра финансов Цинь Сы замерли в крайнем изумлении, не веря своим ушам.

Чжао Фу же лишь усмехнулся:

— Мы тоже находим, что сие вполне возможно. Объявить Нашу волю: отныне возобновить работу Финансового приказа!

Двадцать девятого числа шестого месяца 29-го года Кайпин Левый канцлер Цзи Вэнцзи вновь открыл Финансовый приказ.

Первого числа седьмого месяца Правый канцлер Ван Цюань приступил к проведению в жизнь «Двадцати трех статей о налоговой реформе». Первыми землями, где начались преобразования, стали Бэйчжили и Наньчжили.

Финансовый приказ только возобновил работу и отчаянно нуждался в новых чиновниках. Множество знакомых Тан Шэню лиц одно за другим переводили туда — к примеру, победителя государственных экзаменов в один год с Тан Шэнем, Яо Шаня, или давнего сокурсника и друга Тан Шэня, Мэй Шэнцзэ.

Прежде Яо Шань занимал должность дворцового историографа пятого ранга, а после перехода в Финансовый приказ стал средним сановником пятого ранга. Внешне его чин не изменился, однако всем было ясно: Чжао Фу устраивает для Яо Шаня проверку. Стоит Яо Шаню отличиться в Финансовом приказе, как его тут же повысят в должности и титуле, и перед ним откроется блестящее будущее.

Мэй Шэнцзэ тоже вернулся из Ючжоу и получил должность среднего сановника в Финансовом приказе. Хотя оба они числились средними сановниками, Мэй Шэнцзэ находился в подчинении у Яо Шаня, который стал его непосредственным начальником.

Когда Мэй Шэнцзэ вернулся в столицу, Тан Шэнь тут же пригласил его встретиться в Тереме Сися. Яо Шань пришел вместе с ним.

Трое ученых-цзиньши из одного экзаменационного списка устроились в Тереме Сися, с удовольствием отведывая Посягун, попивая прозрачное вино и наслаждаясь приятным отдыхом.

Пройдя три круга чаш, Тан Шэнь заговорил:

— Финансовый приказ — это ведомство прежней династии, в нашу эпоху его ни разу не учреждали. И теперь, едва его воссоздали, толком не понятно, чем оно займется. Брат Яо, брат Шэнцзэ, вы ведь на днях ходили в ведомство Финансового приказа отметить, вам уже давали поручения?

Подобные вещи не хранились в тайне. Финансовый приказ — не дворцовая стража и не тайное ведомство императорской родни, так что от рассказа о делах здешних чиновников не было никакого вреда. Даже если бы Яо Шань и Мэй Шэнцзэ промолчали, Тан Шэнь мог разузнать всё иными путями, пусть и со значительно большими хлопотами.

Яо Шань тоже не стал делать из этого секрет. Отпив вина, он сказал:

— Поручений пока никаких нет. Цзинцзэ, я тебе даже завидую. Едва освободившись от обязанностей дворцового историографа, ты сразу попал в Центральный секретариат и стал секретарём-шэжэнем. Теперь выходит, что от меня, победителя экзаменов, проку меньше, чем от тебя! Впрочем, дела, предстоящие Финансовому приказу, — грандиозны, они послужат благу государства и народа. — При этих словах глаза Яо Шаня засияли благородным воодушевлением. — Скажу лишь: дело это благое, но притом невероятно трудное.

Мэй Шэнцзэ, видя такой пыл Яо Шаня, ухмыльнулся:

— Похоже, брат Яо знает больше моего. А я тону во тьме, не ведая ровным счетом ничего. Впрочем, брат Яо служил дворцовым историографом и находился подле государя, так что ему естественнее знать скрытые подробности.

— Пьем! Желаю вам обоим великих свершений и прямого пути к вершинам! — поддержал Тан Шэнь.

— Выпьем!

Все трое снова взялись за палочки.

Тан Шэнь опустил чашу, глубоко задумавшись. Слова Яо Шаня лишь закрепили его догадки о делах Финансового приказа.

То, чем предстоит заниматься Финансовому приказу, безусловно связано с бумажными деньгами!

Яо Шань был дворцовым историографом. И пусть в тот день, когда Чжао Фу призвал Цзи Вэнцзи и Ван Цюаня во Дворец Чуйгун, дежурил иной служащий, замена монет бумажными деньгами — дело столь грандиозное, что его не могли обсудить за один раз. Чжао Фу наверняка в течение многих дней совещался об этом с высшими сановниками. Потому Яо Шань вполне мог уловить кое-какие слухи.

Говоря проще, являются ли бумажные деньги большим и благотворным делом для сегодняшней Великой Сун? Безусловно, это огромное и благое дело.

Тан Шэнь вздохнул: «Так и есть... Вполне возможно, у Ван Цюаня давно имелись «Двадцать три статьи о налоговой реформе» для преобразования системы налогообложения Великой Сун. Но выдвинул он их именно теперь, намереваясь воспользоваться ими для продвижения бумажных денег. Вот только непонятно, как они собираются действовать».

— К слову, — заговорил Мэй Шэнцзэ, — даже если бы брат Яо мне ничего не рассказывал, я и сам бы понимал: Финансовый приказ берется за нечто грандиозное. Цзинцзэ, знаешь, кого я вчера видел в ведомстве Финансового приказа?

— Кого же? — спросил Тан Шэнь.

— Помощника канцлера из Отдела императорских указов, господина Чжао Цзина! — ответил Мэй Шэнцзэ.

Тан Шэнь и Яо Шань пораженно переглянулись.

Яо Шань мгновенно поставил чашу:

— Помощник канцлера Чжао пришел в Финансовый приказ... Неужели он станет во главе ведомства?

— Если бы не так, с чего бы мне встретить помощника канцлера Чжао в Финансовом приказе?

— Действительно грандиозное дело! — со вздохом произнес Яо Шань.

Чжао Цзин — победитель государственных экзаменов в 3-й год эры Кайпин, в этом году ему исполнилось сорок семь лет. Что касается чина и ранга, Чжао Цзин, как и Ван Чжэнь, был сановником второго ранга. Однако Отдел императорских указов уступал по степени влияния Центральному секретариату. Ван Чжэнь, занимая пост министра финансов, совмещал должности в Высшем государственном совете и Центральном секретариате, а потому обладал большими реальными полномочиями, чем Чжао Цзин. Но если Чжао Цзин встанет во главе Финансового приказа, это отнимет долю власти у Ван Чжэня, и тогда помощник канцлера Чжао действительно заберет в свои руки немалое влияние.

Вдобавок у Чжао Цзина имелась еще одна роль: он являлся любимым учеником Левого канцлера Цзи Вэнцзи и ключевой фигурой фракции Левого канцлера. Левый канцлер упорно выступал за возобновление работы Финансового приказа, поэтому его решение возвысить Чжао Цзина до руководителя Финансового приказа выглядело вполне естественным.

Пока Яо Шань и Мэй Шэнцзэ продолжали обсуждать дела Финансового приказа, Тан Шэнь хмурился, глубоко задумываясь. Однако в столь важные государственные дела мелкие чиновники четвертого-пятого рангов вроде них не могли вмешиваться.

Спустя два дня Чжао Фу назначил помощника канцлера Чжао Цзина главой Финансового приказа. Вместе с тем в Бэйчжили и Наньчжили официально вступила в силу новая система налоговых реформ. Что касается Финансового приказа, правого заместителя министра финансов Цинь Сы перевели в Финансовый приказ на должность чжэнфэн-дайфу, чтобы координировать связи между двумя ведомствами.

В восьмом месяце Яо Шаня и Мэй Шэнцзэ отправили в Наньчжили, в местную управу — надзирать за проведением в жизнь «Двадцати трех статей о налоговой реформе».

Шестнадцатого числа восьмого месяца Чжао Фу, завершив даосские практики на Террасе Восхождения к Бессмертным, вышел за дворцовые ворота. Подняв взор на полную луну, он неожиданно почувствовал, будто его отягощенное годами тело снова наполнилось силой. Замрев на месте, он спросил у стоявшего подле Цзи Фу:

— Скажи, как давно Мы не брались за истинно великие дела?

«Великие дела? Какое еще великое дело?» — Цзи Фу опешил, ровно ничего не понимая в речах государя.

Впрочем, выслужив подле Чжао Фу не одно десятилетие, Цзи Фу быстро забежал глазами и угодливо проговорил:

— Государь изо дня в день трудится ради блага страны, не жалея сил от рассвета до заката! Лишь благодаря этому наша Великая Сун обрела нынешнее могущество!

Чжао Фу на мгновение умолк и покачал головой.

Цзи Фу понял, что не угадал мыслей Чжао Фу, но поделать ничего не мог — главное, что не сказано лишнего.

Чжао Фу вздохнул:

— Будь здесь Цзыфэн, он наверняка понял бы Нас. И Фэйжань тоже поняла бы!

О высших министрах двора Чжао Фу даже не упомянул — ему просто не хотелось произносить их имена. У этих старых лис на всё выискивался собственный расчет. Чжао Фу не слишком любил их, хотя и полагался на их опыт.

Покидая Террасу Восхождения к Бессмертным, Чжао Фу вдруг подумал: «А будь здесь Цзинцзэ, быть может, и он постиг бы Наш замысел?»

Размыслив, Чжао Фу усмехнулся:

«По крайней мере, он знает, как порадовать Нас!»

В ту же секунду у Чжао Фу возникло желание отозвать Тан Шэня обратно. Ныне Тан Шэнь служил секретарём-шэжэнем в Центральном секретариате четвертого ранга, и поскольку он не совершал ни малейшего проступка, у Чжао Фу не было поводов понижать его до дворцового историографа пятого ранга, чтобы вернуть к своему боку. Однако если государь чего-то желает — нет ничего невозможного. Чжао Фу не являлся бессильным правителем, которым можно помыкать. Захоти он на самом деле возвратить Тан Шэня, тот мог не совершать проступков или даже совершить великий подвиг — император всё равно сумел бы притянуть его к себе.

Но эта мысль лишь мелькнула в голове, и Чжао Фу тут же от нее отказался. В том нет нужды: находясь на нынешней должности, Тан Цзинцзэ принесет куда больше пользы.

А в этот самый миг господин Тан, знавший, как порадовать государя и отвесить ему отборнейшую лесть, сидел у себя дома, уплетая традиционные пряники-юэбины, созерцал луну и размышлял о недавних событиях при дворе. Он и понятия не имел, что едва не оказался понижен Чжао Фу на один ранг, дабы снова вернуться во дворец на должность историографа!

Впрочем, господин Тан и сам пребывал в досаде. Он больше не являлся дворцовым историографом и не находился подле государя — он был лишь секретарём-шэжэнем в Центральном секретариате, да еще и подчинялся Сюй Би!

Сюй Би поручал ему разбор докладов лишь с Северо-Запада, не подпуская к донесениям из Бэйчжили и Наньчжили. Разузнать, что в действительности происходит при дворе, не представлялось никакой возможности.

Можно было бы расспросить Ван Чжэня, однако Ван Цзыфэн в эти дни был чрезвычайно занят. Пару дней назад вечером Тан Шэнь отправился в Резиденцию министра, чтобы занести пряники, но так и не дождался возвращения Ван Чжэня до глубокой ночи, а потому просто оставил угощение и ушел.

Не знай Тан Шэнь, что в Великой Сун по ночам действует комендантский час, а чиновникам строго запрещено посещать публичные дома, он бы заподозрил, что его старший брат по учебе отправился заниматься чем-то весьма непристойным!